

Глава X. Революционный центр Парижа

В конце ноября 1923 года Гарсия Виванкос, в удручённом настроении возвращаясь из поездки в Овьедо, подъезжал к Барселоне. По приезде в столицу Астурии, как казалось, судьба была благосклонна к нему: он смог найти нужных людей для подготовки побега Торреса Эскартина. Один из солдат воинской части, охраняющей тюрьму Овьедо, пообещал провести работу среди его товарищей с целью поддержки плана бегства. Подготовка шла медленно, и, когда уже всё было почти сделано, то ли случайное совпадение, то ли донос пустили дело насмарку: охрана тюрьмы перешла под охрану солдат другого подразделения, а это для Гарсии Виванкоса означало заново начинать работу с охранниками. Не теряя оптимизма, он предпринял первую попытку, однако результаты показали, что провал был связан не с простой случайностью, а с доносом: полиция задержала его самого, задавая вопросы о цели его пребывания в Овьедо. У него было хорошее алиби: документы на коммивояжёра — продавца трикотажных тканей. Допрос закончился без проблем, тем не менее интуиция подсказывала, что лучше исчезнуть из Овьедо¹⁷⁸.

Но если Гарсия Виванкос и потерпел неудачу в организации побега Торреса Эскартина, то товарищи из Сарагосы добились успеха. Бегство из тюрьмы Предикадорес удалось. Большинство из узников, вырвавшись на свободу, сразу же эмигрировали во Францию. Среди них был Эль Негро — уроженец арагонской деревни, преследуемый полицией из-за его революционных действий в Мадриде; ему удалось скрыться под чужим именем, когда его арестовали в Сарагосе вместе с Иносенсьо Пиной.

Из этой группы беглых наиболее скомпрометированным был Франсиско Аскасо, и Буэнакаса постоянно настаивал на том, что ему необходимо немедленно уехать во Францию, но все увещания были напрасны. Аскасо не оставил своего намерения отправиться в Барселону¹⁷⁹.

По приезде Гарсии Виванкоса «Солидарные» провели очень важное собрание со своими соратниками. На этой встрече, речь шла также о том, что, вступив в должность министра внутренних дел, генерал Мартинес Анидо при поддержке Арлеги в Генеральном управлении безопасности, а кроме того, входя в состав Военной директории Примо де Риверы, был крайне заинтересован в демонтаже так называемой «банды Дуррути». Для этой цели он командировал в Барселону своих самых лучших агентов, которые, используя сеть информаторов, поставили перед собой цель ликвидировать эту «банду». После побега Аскасо намерение Мартинеса Анидо уничтожить группу возросло. При описанных обстоятельствах жизнь Аскасо и Дуррути была под постоянной угрозой; таким образом, не могло быть и речи о том, чтобы помогать Мартинесу Анидо в его желании покончить с «Солидарными». Итак, было решено: оба друга поедут в Париж и организуют во Франции

революционный центр для оказания поддержки такому же, основанному в Барселоне. Другим заданием было основание издательства, которое, согласно французской организации анархизма, смогло бы удовлетворить потребности международной пропаганды либертарных идей. Для этих целей им вручили значительную сумму денег — остаток от добытых в банке Хихона.

Во времена нашего повествования французский Анархокоммунистический союз (А.К.С.) располагался в доме на улице Петит, в 19-м округе Парижа. Он занимал нижний этаж с окном, выходящим на улицу; через стекло были видны выставленные для продажи книги и первая страница еженедельника Le Libertaire. Узкий вход, прикреплённые к стенам стеллажи, заставленные книгами и брошюрами анархистской литературы на французском языке. Внутри, на заднем дворе, располагалась комната, служившая и складом, и редакцией, и администрацией газеты, и секретариатом А.К.С. В течение дня там работал администратор — Северино Феррандель. Он занимался разными вопросами: продажей книг и газет, приёмом посетителей из Парижа или провинций, искавших материал для чтения или информацию, и т.д. По вечерам, после завершения каждодневной рабочей рутины, книжный магазин был наиболее посещаем. Среди вдохновителей-завсегдатаев был Луи Лекуан, занимавшийся защитой итальянских анархистов, осуждённых в Соединённых Штатах Америки и приговорённых к казни на электрическом стуле.

Аскасо и Дуррути, приехав в Париж, вечером направились на улицу Петит. Их приняли Феррандель и его юная подруга Берта Фаверт. Испанцы хотели встретиться с товарищами из секретариата А.К.С. Феррандель проводил их внутрь, где Дуррути и Аскасо познакомились с некоторыми из них и после краткого знакомства изложили свой план. Их выслушали с интересом, но в то же время с некоторой долей скептицизма. Проекты? Анархизм был богат на проекты, но чего не хватало — так это финансовых средств, чтобы претворить их в жизнь. Испанцы сразу же заявили, что располагают значительной суммой денег для начала первых операций. Такие конкретные основы сотрудничества повернули беседу в другое русло, и было решено провести ещё одно собрание, чтобы наметить определённые задачи для основания проекта издательства. Встреча состоялась через несколько дней, на ней присутствовали Себастьян Фор, Валериано Оробон Фернандес и Вирхилио Гоццоли. Испанцы со своей стороны вносили сумму наличными в пятьсот тысяч франков180. Был намечен план издать международный журнал на трёх языках (французском, испанском и итальянском), что положило начало Международному анархистскому издательству. Первым произведением этого издательства должно была стать «Анархистская энциклопедия» под редакцией Себастьяна Фора.

По окончании собрания, выйдя на улицу, Франсиско Аскасо и Буэнавентура задумались о своём будущем. На деньги, оставленные для собственных расходов, можно было протянуть один месяц. А месяц — короткий срок. Поэтому как можно быстрее надо было найти работу.

Если бы речь зашла об отчётности использованных денег, экспроприированных в Банке Хихона, то всё было использовано по назначению: приобретение «исторически важных ружей из Эйбара» и вклад в развитие Международного издательства. Естественно, испанская полиция предоставила разные, без конца повторяемые версии; это можно узнать из рассказа полицейского Эдуардо Комина Коломера, опубликованного много лет спустя в

книге, посвящённой полицейским, погибшим при исполнении долга. Этот комиссар описывает «злодеяния членов группы “Горнило” (Crisol)»: «В результате всех совершённых ограблений этой анархистской группы они разделили добычу по 15 тысяч песет на брата. Луис Муньос, уроженец Иниесты (Куэнка), отправил своим родственникам “лакомый кусочек” в две тысячи песет, которые “откладывал”, чтобы те купили земельный участок»¹⁸¹. Подтвердив, что Луис Муньос был одним из участников нападения на Банк Хихона, и поместив его в группу Crisol (ошибочное название), далее он в своём рассказе обвиняет того же Муньоса в смерти полицейского Лопеса Солорсано, за что тот был арестован 13 июня 1923 года. Грубая ошибка очевидна, потому что хорошо известно о дате нападения на банк в Хихоне — 1 сентября. В этом случае оплошность и клевета идут бок о бок с целью очернить анархизм в глазах «людей независимого мнения».

Франсиско Аскасо и Буэнавентура Дуррути обосновались в начале января 1924 года в Париже, а не в Марселе, как ошибочно опубликовала *La Voz de Guipúzcoa*. И нашли жильё не для того, чтобы совершать ограбления, как информирует та же газета, а жить на заработанные трудом деньги. Дуррути устроился механиком в мастерские Рено, а Аскасо, несмотря на его болезнь лёгких, — рабочим на фабрике, производящей свинцовые трубы, что ещё более усугубило его состояние. В то время во Франции среди эмигрантов преобладали выходцы из Испании. Причиной тому были диктатура и репрессии Мартинеса Анидо. Бóльшая часть жила в средней Франции: Тулуза, Марсель, Безье и пр. В среде испанских анархистов вскоре возникла необходимость организовать свою деятельность. В действительности, организация и взаимопомощь среди политических эмигрантов из Испании существовали всегда. Ансельмо Лоренсо поясняет в своих воспоминаниях, что, когда ему в прошлом веке пришлось вынужденно уехать во Францию, едва прибыв в Марсель, он встретил группу испанцев, которые помогли ему устроиться верстальщиком в типографию. Также в 1918 году Дуррути, будучи беженцем во Франции, смог найти место благодаря поддержке анархистских групп на французской земле. После 1920 года, с ростом терроризма Мартинеса Анидо, число эмигрантов возросло, а после прихода к власти Диктатуры — ещё более. Таким образом, с уже существующими организационными структурами было проще пополнять их ряды новыми беженцами. Принимая во внимание всё возрастающие потребности, особенно в области пропаганды, далее мы расскажем о появлении печатных изданий, таких как *Liberación* («Освобождение»), переименованном затем в *Iberion*, так как первое было закрыто полицией; и *Tiempos Nuevos* («Новые времена»), которое позднее и по той же самой причине превратилось в *Voz Libertaria* («Голос либертариив»). Вся эта подрывная деятельность — пропаганда и различные акции — совпадает во времени с основанием мощной Анархистской федерации групп испаноязычных мигрантов, из недр которой позднее возникла Федерация анархистов Иберии (ФАИ). На основе этой анархистской организации испанских эмигрантов во Франции Аскасо и Дуррути, обосновавшись в Париже в 1924 году, в частности в квартале Белльвиль, где проживало много испаноязычного населения, начали свою работу.

Несмотря на постоянные репрессии в Испании, анархисты, вынужденные покинуть родину, не падали духом и не теряли надежды вскоре вернуться домой. Но думалось о возвращении не побеждёнными, а силой, способной свергнуть диктатуру в Испании. 30 декабря 1923 года НКТ собралась на пленарное заседание в масштабах страны, с тем чтобы организовать подпольную деятельность по всей стране. Уже на этом собрании, казалось, резко

обозначился раскол с пробольшеви́стскими членами организации, которые всё ещё пытались затормозить новую схему организации в условиях чрезвычайного положения в НКТ. Новости из Испании укрепляли оптимизм беженцев и придавали энергию усилиям для поддержки внутренних организационных структур. Но если в испанской среде мигрантов настроение было оптимистичным, то этого нельзя было сказать по отношению к другим анархистским группам, например, итальянцев и русских, которые передавали свои собственные проблемы французским товарищам. Яблоком раздора в основном была русская революция. Ей удалось внести раскол среди анархистов. Среди русских анархистов — потому что некоторые из них, хотя и признавали большеви́стские репрессии в Кронштадте и против Махно, всё же находили смягчающие обстоятельства; другими словами, подтверждая поражение, намеревались превратить анархистское движение в партию, впрыскивая большеви́стскую энергию и оправдывая эту меру достижением большей эффективности. А также среди итальянских коллег, хотя и другими путями; некоторые из них приходили к тем же выводам, что и русские. Ситуация усложнялась в связи с победой фашизма в Италии и необходимостью создать единый антифашистский фронт. Однако атмосфера среди итальянцев не была столь противоречивой благодаря позиции Энрике Малатесты, который выступал против большеви́стской диктатуры и её полицейских методов. Приезд Камило Бернери, сбежавшего из Италии, подкреплял аргументы Малатесты.

Но именно в самой Франции положение было очень серьёзным. Анархизм практически потерял своё влияние на французское рабочее движение. Социалисты главенствовали во Всеобщей конфедерации труда (ВКТ). Между тем коммунисты, с энтузиазмом применявшие на практике анархистские методы, укрепляли свои позиции в Унитарной всеобщей конфедерации труда (УВКТ). Заслуженные и известные деятели анархизма, такие как Пьер Монатт, поддались большеви́стским идеям и повели за собой значительное число анархистских и анархо-синдикалистских активистов. Они не принадлежали к французской Коммунистической партии, но, занимая промежуточную и двоякую позицию, ослабляли анархистское движение, которое, в свою очередь, страдая комплексом неполноценности, постепенно уменьшалось; в его рядах царил полемик о принципах и целях, теории и практике. Пустые умничанья всё больше отделяли анархизм от каждодневной практики — такой путь ведёт не к жизни, а, напротив, к гибели...

Дуррути и Аскасо размышляли о процессе русской революции и были убеждены, что на её примере революционеры всего мира могли научиться, что нужно и что не нужно делать. Осуждать революцию с фаталистской точки зрения, заранее решая, что она неизбежно должна переродиться в диктатуру нескольких людей, означало отказаться в полной мере от революции и уверовать лишь в медленную эволюцию, которая бы следовала прямой линии прогресса; но история уже доказала ошибочность такой идеи. Более разумным было, как думали они, оценить исторический контекст, в котором в своё время произошла русская революция. На глобальном уровне её результаты следовали логике фатализма. Революция зародилась в обстановке войны, и сама война изменила её естественные свойства, перемалывая самую сознательную часть революционного авангарда, который, к сожалению, тоже не соответствовал либертарным идеям.

Из ужаса Первой мировой войны лишь большевистская партия смогла выйти, сохраняя стойкость своих структур; она была единственной организацией, которая в действительности обладала ясностью целей и направлений. Она стремилась к власти, подчиняя все свои действия, с постоянным их утаиванием под обманным лозунгом: «вся власть Советам». Придя к власти, большевики не могли вести себя иначе: прибегать ко всем уловкам, репрессиям и методам террора с целью удержания власти. Монополизация власти небольшой группой вела к подчинению огромного большинства. С того момента и с торжеством большевистской «контрреволюции», Кронштадт, а затем и Украина явились лебединой песней подлинной русской революции. Могло ли всё быть по-другому? Вполне возможно, но для этого было бы необходимо проникновение анархизма в души всех русских людей, как это произошло с украинцами и «кронштадтцами». Могло ли это случиться? Это был другой вопрос, требующий более глубокого анализа самой России и её проблем. Как Дуррути, так и Аскасо, более склоняющиеся к действию, чем к теории, не хотели блуждать в лабиринте предположений и возможностей. На кон была поставлена сама идея революции, и все их мысли и деятельность были отданы Испании.

Чем сильнее будет влияние анархистов в какой-либо революции, тем более освободительной будет она по своей сути. Таким образом, у обоих преобладала идея, что вместо бездействия и бесконечной полемики наиболее важным являлось развитие революционной способности эксплуатируемых капиталом и государством классов. Это были угнетённые классы, которые посредством восстания призваны пошатнуть экономическую, политическую и социальную структуру господствующей системы. Лишь от них зависели новые формы общественной и политической организации, которые могли бы родиться в результате такого крушения. Анархисты видели себя детонаторами тех ситуаций, которые могли стать опасными и от действия зажжённой спички привести к окончательному взрыву. Говоря другими словами: посредством непрерывной деятельности перейти от теории к практике. Так, революционная практика могла бы быть лучшей школой для революционной теории. Именно тема революции была главной в спорах Аскасо и Дуррути во время встреч с коллегами-анархистами любой национальности. Оба друга привносили струи оптимизма; теория уже не виделась как догма и превращалась в практику или саму жизнь. «Дорогу осилит идущий», — обычно говорил Аскасо, на свой манер трактуя выражение Малатесты «Вещи делаются из вещей». «Самое главное — не останавливаться», — обобщал он. Дуррути и Аскасо занимало такое количество вещей, что никто не мог бы сказать, что они посвятили себя лишь пустой агитации.

Пока Париж переживал времена разъяснений, в Испании, а особенно в Барселоне, настали времена репрессий, которые иногда были фатально кровавыми.

Либеральная каталонская буржуазия — та, которая поддалась убаюкиваниям и обещаниям Примо де Риверы об установлении там автономной администрации, — вскоре свернула себе шею. Пучи-Кадафалк, президент Содружества, был смещён с должности, а на его место, выжидая удобный момент, чтобы покончить с этим заведением, назначен сторонник монархии Альфонсо Сала. В мае 1924 года нанесли окончательный удар каталонским свободам: запретили использование флага и языка, а также упразднили само Содружество. В Каталонии не оставалось ничего, кроме самых реакционных воинств Франческа Камбó. Однако жестокость диктатора, хотя и сосредотачивалась на Каталонии, была направлена не

только на её либеральный класс. То, что на самом деле его не устраивало в Каталонии, — это её рабочий класс, а особенно НКТ. В частности, Мартинес Анидо, исполнительное звено Примо де Риверы, имел старые счёты с группой «Солидарные» и с момента занятия поста министра внутренних дел не оставлял намерений уничтожить её. Его операция благодаря сети осведомителей имела некоторый успех. Первым сигналом тревоги для «Солидарных» стал факт обнаружения полицией одного из складов оружия в рабочем квартале Pueblo Nuevo. После этого «Солидарные» предприняли целый ряд предосторожностей, отстраняя от своих операций лиц, которые могли показаться им подозрительными, но было уже поздно. Кольцо вокруг них постепенно сужалось, а 24 марта власти провели повсеместную облаву.

Грегорио Субервьела был захвачен врасплох у себя дома, но ему удалось отстреляться от нападения первых полицейских и даже спуститься по лестнице и пересечь улицу. Несмотря на это, преследователи, засевшие в соседских домах, прошили его тело пулями. Спасение было невозможно — его окружили спереди и сбоку. Так, посреди улицы, на виду у соседей один из самых преданных революционеров Памплоны¹⁸² погибал как неизвестный герой. Полиция так и не узнала, что чинила расправу над Грегорио Субервьелой — участником нападения на Банк Хихона и палача Хосе Регералю...

Марселино дель Кампо, Томас Аррате и другие активисты тоже были убиты, каждый встретил смерть на свой манер. К первому зашли в дом два полицейских в образе «преследуемых товарищей». Марселино сделал вид, что поверил им, и с целью помочь им в «службе» задумал план привести их в одно место, где бы их приняли «верные друзья». Он намеревался выманить полицейских за пределы Барселоны и там покончить с ними, но просчитался. Уже на улице на него напали несколько агентов, чтобы взять живьём. Марселино оказался ловчее. Быстро выхватив пистолет, он поразил двух полицейских, но сам оказался третьей жертвой перестрелки.

Полиция устроила облаву на дом Аурелио Фернандеса почти в то же самое время, когда погибли Грегорио и Марселино. Там вместе с Аурелио находились его брат Сеферино и Адольфо Бальяно. Все трое в наручниках спустились вниз по лестнице, но уже на улице полиция ослабила бдительность — быть может, обманутая лёгкостью проведённого ареста и не зная того факта, что только что арестовала самого Хереса (другого участника ограбления банка в Хихоне). Аурелио, пользуясь моментом, толкнул своего брата, и в тот же момент, пока полицейские удерживали Сеферино и Адольфо, смог скрыться в зигзаге узких улочек «Китайского квартала» Барселоны.

Доминго Аскасо — брат Франсиско, настоящий эксперт в области побегов и недоверчивый по характеру — интуитивно почувствовал приближение полиции по лестнице дома; он спустился с четвёртого этажа по канату, специально приготовленному для такого случая. Грегорио Ховер, недавно принятый в группу, скорее всего, был арестован полицией как простой пособник, и его охрана не была такой жёсткой; это обстоятельство помогло ему выпрыгнуть из окна полицейского участка.

Но если Мартинес Анидо полагал, что, проведя эту облаву, он добился развала «Солидарных», то глубоко ошибался. В строю оставались Рикардо Санс, Гарсия Оливер,

Аурелио Фернандес, Доминго Аскасо, Альфонсо Мигель, Грегорио Ховер и другие. Работа, выполнявшаяся Грегорио Субервьелой и Марселино дель Кампо, была передана Альфонсо Мигелю и Рикардо Сансу.

Однако было невозможно обнаружить, где скрывался Доминго Аскасо. Гарсия Оливер целыми днями искал его, но безрезультатно. Но тут, к его великому удивлению, сам Доминго нашёл его. Гарсия сообщил ему о предстоящей поездке в Париж; там, вместе с Франсиско и Дуррути, он должен был работать над подготовкой революции в Испании. При расставании Гарсия спросил у Доминго, где он прятался всё это время, и тот сказал: на кладбище Пуэбло Нуэво. Действительно, на этом кладбище работал могильщиком один арагонский старик, близкий друг Доминго, и именно он спрятал беглеца в одном могильном склепе. Прощаясь с Оливером, Доминго сказал ему: «Самое надёжное убежище — среди мёртвых, ведь они молчат»¹⁸³.

Примо де Ривера, ошибочно пытаясь подчинить всё и вся закону, своими преследованиями каталонизма добился лишь увеличения сторонников анархистских групп в их борьбе против диктатуры.

Каталонисты из группы Estat Catalá («Каталонское государство»), основанной полковником Масиá в 1922 году, в силу факта запрещения родного флага и языка вышли на связь с анархистами и даже, по сведениям Рикардо Санса, вошли в состав Революционного комитета, действовавшего в ту пору в Барселоне¹⁸⁴. Спустя некоторое время совместной борьбы с группами Estat Catalá и после описанной выше полицейской облавы, в мае того же года НКТ созвала национальное пленарное собрание в Сабаделле. Пленум прошёл без происшествий, однако почти под конец заседания полиция ворвалась в здание, где он проходил. Несмотря на это, в связи с мерами предосторожности, принятыми заранее, бóльшая часть делегатов смогла скрыться. Гарсии Оливеру, также присутствовавшему на пленуме, удалось сбежать, но его арестовали на станции. Его судили, вынесли приговор, переведя в тюрьму Бургоса, где он пробудет семь долгих лет. Миссия Доминго Аскасо, направленная на ускорение революционных процессов, состояла в осуществлении по-настоящему дерзкого плана: начать в Пиренеях Каталонии партизанскую операцию, и таким образом способствовать революционному подъёму в этом районе, освобождая сотни заключённых анархистов в тюрьме Фигерас. Параллельно с пиренейской операцией, была намечена другая акция с применением силы, в Барселоне, при поддержке военных из военной части в Атарасанас. Для успеха дела в Барселоне, они рассчитывали на оружие, закупленное в Эйбаре и складированное в порту Барселоны¹⁸⁵.

Доминго Аскасо поведал об этом замысле Дуррути и Франсиско. Те только и ждали случая, чтобы начать действовать. Кроме того, атмосфера Парижа уже начинала тяготить: собрания шли одно за другим, без видимых практических результатов. Дружья загорелись планом, хотя и понимали рискованность затеи. Однако, как посоветовал Доминго, сначала было необходимо постепенно проверять сотоварищей и не раскрывать никому истинных задач, с целью создать благоприятную атмосферу и раскрыть намерения проекта тем людям, которым уже можно будет доверять. Впоследствии, Доминго сразу же сообщит о ситуации через прямого связного.

Таким связным оказался Грегорио Ховер, который в июле 1924 года, приехал с уже достаточно продвинутом проектом. В Барселоне, все группы выразили своё согласие, и даже военные, приверженцы борьбы, подтвердили свою готовность выступить против диктатуры. Товарищи, с которыми заведомо наладили связь в Париже, были созваны на «важное собрание». Когда все собрались, Грегорио Ховер проинформировал присутствовавших о планах. Никто не высказался против, и все подтвердили своё желание выступить в партизанской операции.

На этом собрании назначили комиссию, призванную организовать экспедицию и приобрести оружие. Были избраны два брата Аскасо, Дуррути и Гарсия Виванкос, который оказался самым эффективным для такой операции; ему удалось наладить контакт с бельгийским торговцем оружием, который продавал ружьё и 100 патронов за 30 франков каждое¹⁸⁶. К концу сентября был закончен план атаки на Пиренеях. Было закуплено оружие (каждый участник внёс деньги для этой цели), но то были не ружья, а винтовки, и в малом количестве; в основном преобладали пистолеты различных калибров.

Пока в Париже дело шло вперёд, в Барселоне возникали трудности: у военных, выразивших готовность поддержки, падал дух, и никак не удавалось забрать оружие с портового склада; возникала рискованная ситуация, при которой груз мог быть возвращён оружейнику из Эйбара, якобы по фамилии Сулета. С другой стороны, стали поговаривать о недостаточной уверенности в создании революционной атмосферы в среде барселонского рабочего класса, — движущей силы социальной борьбы в Испании.

Когда вести из Барселоны дошли до Парижа, некоторые из сторонников плана почувствовали неуверенность. Такие настроения дали себя знать на специально созванном для обсуждения этой темы собрании. Те, кто действительно были уверены в успехе, представили свои аргументы сомневающимся. Наиболее заинтересованными были Дуррути и Аскасо, — быть может, потому, что их оптимизм требовал от них постоянного создания ситуаций, в которых они могли бы жить активно. Несмотря на это, в той ситуации, наверняка сопряжённой с риском для жизни, было трудно заставить кого-либо принять решение. Однако, в конце собрания выступил Дуррути, и не с целью переубедить кого-либо, а для уточнения вопросов, которые он считал элементарными для революционера:

“ «Когда, как и каким образом мы можем узнать, что “дело” созрело? Это правда, что новости из Барселоны не очень обнадеживающие. Но не менее верно и то, что существуют и продолжают назревать надлежащие условия для революционного действия. По крайней мере, в Каталонии, и в частности — Барселоне. Диктатор поднял руку на каталонизм, и это прибавило нам союзников, на которых раньше мы и не рассчитывали. Он изгоняет таких интеллигентов, как Унамуно и Сориано, сеет недовольство в слоях среднего класса и практикует самый бессовестный фаворитизм. Война в Марокко продолжается, а солдаты не хотят идти умирать в Марокко. Разве вы не видите во всём этом элементы, которые, наряду с положением крестьян в некоторых областях и положением рабочих, указывают на положительные моменты? Да, есть и негативные, но не менее верно то, что столкновение

положительного с отрицательным порождает искру. Мы имеем право и обязаны столкнуть между собой отрицательное и положительное и создать искру. Это авантюризм? Тогда я говорю вам, что не существует революции, которая не была бы инициирована “авантюристами”. Возможно, что на этот раз мы ошибёмся и заплатим жизнью, или сгниём в тюрьме; возможно, что за этим поражением последуют другие; но в чём я уверен, так это в том, что каждый такой момент — это шаг, приближающий нас к всеобщему восстанию, и что наша акция не была бесполезным событием».

И в заключение сказал:

“ «Я не хочу никого убеждать, потому что поступок такого рода может быть совершён людьми, уверенными в основополагающих принципах, о которых я говорил сегодняшним вечером».

Выступление Дуррути, на самом деле, не имело целью поощрить или зажечь моментальный энтузиазм. Его речь не была не пламенной пропагандой политика, а просто открытым разговором в среде революционеров. Как были поняты его слова? Мы этого не знаем, но верно то, что все сторонники плана явились в назначенный день 187. Спустя несколько дней после этого собрания, присоединились, как сказал Дуррути, - новые полезные элементы для участия в повстанческой операции. Унамуну и Сориано, сбежавшие с Канарских островов, прибыли в Париж. Директор Le Quotidien предоставлял страницы своей газеты обоим деятелям интеллигенции, для того чтобы они смогли излагать свои критические идеи о диктатуре и социально-политическом положении в Испании. Известный валенсийский писатель Висенте Бласко Ибаньес, быть может, устыдившийся своей обособленной жизни в Ментоне, смело вышел на первый план; его подпись стояла под брошюрой, изданной на французском языке, разоблачающей Альфонсо XIII и милитаристский террор в Испании.

Так, была подготовлена почва для повстанческой операции. Один из участников этого рискованного замысла, Орбон Фернандес, описывает то время:

«В Париже, Лионе, Перпиньяне, Марселе и всех французских городах с анархистскими группировками, с нетерпением ждали телеграмму.

Кто пережил эти моменты революционного пыла, никогда не сможет их забыть. Мы все знали, что по получении телеграммы, должны были собраться на границе и пересечь её, сопротивляясь пограничным войскам. Все знали, что придётся столкнуться с многочисленными, хорошо организованными частями, и лучше нас вооружёнными; и что многие должны были положить свои жизни, даже если бы революционная операция имела бы успех. Но нам было всё равно! Свобода стоит многих жизней!” «Телеграмма пришла. Товарищи пустились в путь, в группах по десять или двенадцать, всё их вооружение составлял пистолет, купленный благодаря неизвестно скольким ограничениям по отношению к себе. На станции Quai d’Orsay —, месте отъезда для тех, кто жил в Париже, — мы увидели Аскасо (Доминго), вручавшего билеты отъезжающим товарищам, и он сам сел в поезд с последней группой, неся тяжёлые чемоданы с двадцатью пятью «Винчестерами», — самыми длинноствольными оружиями в этой экспедиции».

«Товарищи из Барселоны, как и было намечено, попытались атаковать артиллерийскую казарму в Атарасанас. Чтобы не привлекать внимание до начала штурма, было решено приблизиться маленькими группами и в шесть утра атаковать ручными гранатами. Атарасанас, — 5-й округ Барселоны, — постоянно был под сильным надзором полиции. Там всегда возводились первые баррикады. В этом квартале находились: типография Solidaridad Obrera («Рабочая солидарность»), редакция печатных изданий: Tierra y Libertad («Земля и свобода») и Crisol («Горнило»); профсоюзные центры рабочих деревообрабатывающей промышленности и строителей, жилые дома целого ряда товарищей, которые предпочитали жить рядом со своими организациями и газетами. В силу такого строгого надзора и, несмотря на принятые предосторожности, полиция наверняка что-то заподозрила. Одна из групп, направлявшаяся к казарме, столкнулась с гвардейским патрулем, и им предъявили ордер на арест; началась перестрелка, в результате которой погиб один полицейский и ещё один был ранен. Завыла сирена тревоги, прибыло подкрепление, и полиция, мобилизуя всех агентов, вооружённых пулемётами, окружила казарму. Запланированный штурм не удался. Товарищи Монтехо и Льясер, задержанные поблизости, были представлены суду без надлежащего судебного разбирательства и тотчас же казнены. Они смело встретили свой последний час. С провалом акции в Барселоне, мы, продвигавшиеся по направлению к границе, поняли, что у нас не было ни малейшей надежды на успех. Поскольку дорога к пунктам Вера и Эндайа была короче, товарищи, выехавшие к этим пунктам, прибыли на восемнадцать часов раньше тех, кто направлялся к другим пограничным пунктам. Дали отпор первому отряду, но затем, застигнутые врасплох более многочисленными подразделениями, были вынуждены отойти с боем. В схватке погибли два товарища, один был тяжело ранен и некоторые арестованы два дня спустя; несколько человек из задержанных казнены в Памплоне, и над остальными ведётся судебный процесс. Слушания начнутся, как только события будут преданы гласности».

Те, кто должны были атаковать на границе, в Фигерас и Хероне, прибыв в Периньян, прочли в газетах сообщения о событиях в Вере. Они поступили с опозданием на восемнадцать часов! Многие из той тысячи товарищей, собравшихся в Периньяне, были вынуждены рассеяться, других арестовали, и лишь пятьдесят из них смогли пройти через цепи охраны и добраться со своими чемоданами, нагруженными «винчестерами» и боеприпасами, до подножья Пиреней, где к ним присоединился один соратник из некой испанской деревушки, который должен был провести их через горы в Фигерас: там по плану намечалось напасть на тюрьму, в которой содержались многие товарищи, среди них, Элиас Гарсия, Педро Матеу, Санчо Алегре, Класку, осуждённые из Кульеры. Человек, который должен был быть нашим проводником, сообщил плохие вести: несколько воинских подразделений дислоцировались вдоль границы, с пулемётами и артиллерией. Власти предприняли жёсткие меры обороны; и если нападение не совершалось неожиданно, что являлось одним из главных факторов успеха, то реализация плана была невозможна.

“ «Плача от злости и немного пристыжены тем, что потерпели поражение, так и не начав бой, мы вернулись на исходные позиции. В тот день, высоко в горах, на тысяче метров над уровнем моря, я видел слёзы многих из этих пятидесяти мужчин, сожалевших о том, что не смогли отдать свои жизни революции. Аскасо был среди них. Дуррути — в группе товарищей в Вере.

Ховер вместе с другими атаковал казарму в Атарасанас в Барселоне. Это была наивная, неуклюжая попытка, всё что хотите; но в этих людях горела большая революционная страсть. Поэтому они заслуживают всеобщего уважения. Они всего лишь потерпели поражение. Сколько раз мы терпели поражение! Но в конце концов, мы победим!»188.

Что значит быть побеждённым? По отношению к чему? Те люди, которые в Барселоне и Пиренеях с оружием в руках восстали в том ноябре 1924-го, не боролись за власть, и даже не думали, что они приведут к гибели саму диктатуру. Единственное, что они хотели доказать, — это то, что пришло время избавиться от страха. И им это не удалось, потому что те, которые должны были победить свои опасения, были ими же побеждены. Вот и всё. Альфонсо XIII и его диктатор, без сомнения, были сильно напуганы. Вскоре это было доказано самими фактами. Мартинес Анидо послал эмиссаров во Францию, чтобы распространить слухи среди мигрантов: прошедшая операция была делом полиции. Таким образом он намеревался обесславить организаторов акции. Вместе с этой клеветой, правительство Альфонсо XIII предприняло более эффективную уловку: оказать давление на французское правительство с целью принять меры против испанских анархистов во Франции.

Результаты таких мер скоро стали заметны: проверки по месту жительства, аресты и экстрадиции. Активисты, наиболее скомпрометированные в последних событиях, скрылись в Бельгии; другие же отплыли в Южную Америку. Аскасо и Дуррути, несмотря на усиленные розыски полиции, не хотели покидать Францию без точных новостей о событиях в Барселоне и новых планах Революционного комитета. В ожидании информации, они укрылись в окрестностях Парижа, в доме одного из анархистских активистов из Парижа, предоставившего им убежище.

Ждать пришлось недолго. Рикардо Санс, посланный Революционным комитетом из Барселоны, с заданием рассказать Аскасо и Дуррути о тяжелейших условиях, переживаемых революционной организацией, и срочной необходимости финансовой поддержки. Поездка по Южной Америке, наверняка могла пробудить интерес испанских эмигрантов к событиям в Испании и послужить отправной точкой для сбора средств. К концу декабря 1924 года, снабжённые поддельными паспортами, Дуррути и Аскасо отплыли из Гаврского порта, в Америку....

Версия #3

Зверобой создал 12 июля 2025 23:25:00

Зверобой обновил 17 августа 2025 19:31:18